

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г23

Olivia Gatwood
LIFE OF THE PARTY
Copyright © 2009 by Olivia Gatwood

Перевод с английского *Максима Немцова*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Гатвуд, Оливия.
Г23 Душа компании / Оливия Гатвуд ; [перевод с английского
М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 192 с.

ISBN 978-5-04-103989-9

Что такое быть девчонкой? Расцарапанные колени, развевающие юбки, цветение, бремя меняющегося тела. А еще бремя быть желанной, быть источником удовольствий... быть все время под угрозой. В своих стихах Оливия Гатвуд поет оду женской хрупкости и незащитности в мире мужчин. Это поэзия пустых гулких парковок, смутных детских опытов, подростковых травм и глубинных женских страхов. Оливия Гатвуд — новое лицо современного феминизма, ее миссия — донести до читателей голоса забытых, стертых с карты чужой жестокостью женщин и, быть может, помочь всем остальным чувствовать себя не так одиноко во тьме.

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод на русский язык,
2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103989-9

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	11
I	
ДЕВЧОНКА	19
ЕСЛИ ДЕВУШКА КРИЧИТ ПОСРЕДИ НОЧИ	21
СКАЗКА О ПРИЗРАКАХ, ЧТОБЫ ДРОЧИТЬ НА ДРУЖЕСКОЙ НОЧЕВКЕ	23
НЕКРЕЩЕНЬЕ	25
БОЛЬ, ЧТО Я НЕ ГОВОРЮ	26
ПЕРВЫЙ КЛАСС, 1998	27
МОЯ ЛЮБИМАЯ ЗАБАВА	29
ПЕРВОЕ БРИТЬЕ	30
ВСЕ КРАСОТКИ БЫЛИ КАТОЛИЧКАМИ	32
ВДОГОНКУ К НЕКРЕЩЕНЬЮ	35
Я МЕЧТАЮ ЗНАТЬ СВОЮ НЯНЬКУ В ЕЕ ДРУГОЙ ЖИЗНИ	37
ВДОГОНКУ II К НЕКРЕЩЕНЬЮ	38
ПАМЯТЬ ТОЖЕ	39
АЗАРТНАЯ ИГРА	40
МАТЬ ГОВОРИТ, Я НЕ ДРЯНЬ, ПРОСТО МНЕ СКУЧНО	42
С НЕЙ	44

ДОЛЖНО БЫТЬ, Я ЕЕ ЛЮБИЛА ТОЛЬКО ЛЕТОМ	48
КРУЧУ НАЗАД	50
АВТОКРОСС	52
ЛУЧШИМ ДРУГОМ НЯНЬКИ БЫЛ ЕЕ ПЕС	54
УБИЙСТВО МАЛЕНЬКОЙ КРАСОТКИ	55
Я ЗНАЛА ЕЕ ОТЦА НЕ ХУЖЕ	57
МЫ ВСЕ ОБГОРЕЛИ ТЕМ ЛЕТОМ	58
ЖЕЛАЮ ЗНАТЬ	60
САНДИИ, 2008	61
ОСТАТЬСЯ МАЛЕНЬКОЙ	63
У СЕБЯ ПОД КРОВАТЬЮ НЯНЬКА ДЕРЖИТ	66
КОГДА Я ГОВОРЮ, ЧТО ВСЕ МЫ ДЕВЧОНКИ-ПОДРОСТКИ	67
МОЙ МУЖЧИНА	70
СЕЗОН МАНГО	72

II

БАБУШКА СПРАШИВАЕТ, ПОЧЕМУ Я НЕ ДОВЕРЯЮ МУЖЧИНАМ	79
СВОЙ СТРАХ Я ЗНАЮ ЛУЧШЕ	81
МАЛЬЧИК ГОВОРИТ, ЧТО ЦЕНИТ ТЕДА БАНДИ, НО НЕ СМЕЕТСЯ НАД ЭТИМ	82
К ТОМУ ВРЕМЕНИ, КАК Я ДОСТАТОЧНО ПОВЗРОСЛЕЛА	84
ВОТ ЧТО ВАМ НУЖНО ЗНАТЬ	85
СМЕ(РТОМ)ХУЁЧКИ	88
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ КАК КУЛЬТ	91

ЛЕТО 2008-ГО В ПАРКЕ АЛЬТУРА	94
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ КАК ЛЕНТОЧНЫЙ ЧЕРВЬ	96
ОДНАЖДЫ НЯНЬКА РАЗДАВИЛА СВОЕМУ ОТЦУ РУКУ	100
ДАЙ МНЕ ПИЛЮЛЮ	101
ЗВОНКИЕ ФРАЗЫ, ПОКА РАССУЖДАЕМ О СМЕРТИ	102
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ КАК КУКУРУЗНЫЙ СИРОП	104
ПРЕМУДРАЯ	106
ОДА МОЕЙ РЕВНОСТИ	107
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ КАК АППЕТИТ	108
ОДА МОЕМУ ЛЮБИМОМУ УБИЙСТВУ	109
Я ПОЧТИ УВЕРЕНА, ЧТО МОГЛА Б ОТ СЕБЯ ИЗБАВИТЬСЯ И МНЕ БЫ ЭТО СОШЛО С РУК	112
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ КАК СОН	114
ВДОГОНКУ ОТ МОЕЙ МАТЕРИ	117
СЧЕТ ПОТЕРЬ, 13	118
ЮБЭНК И КАНДЕЛАРИА, 2008	121
ПЕРВЫЙ ЗВОНОК РАЗДАЛСЯ ЗА ДЕНЬ ДО РОЖДЕСТВА	124
АЙЛИН УОРНОС РАЗЪЯСНЯЕТ МНЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	125

III

КУДА БЫ НИ ВХОДИЛА, СОБОЙ ВСЕ ОЗАРЯЛА	129
ВСЁ, ЧТО МЫ НАЗЫВАЛИ ГОРМОНАМИ	131
КОГДА ЕГО НАЙДУТ	132

ЧТО ЗНАЧИТ	134
ПЕРЕСТАНУ ЛИ Я КОГДА-НИБУДЬ ПИСАТЬ О МЕРТВОЙ ДЕВУШКЕ	135
ПРОСТИ, ЧТО Я ТАК С ТОБОЙ	137
ЭЛЕГИЯ ПО ЯКОБЫ	138
ОДА ЖЕНЩИНАМ НА ЛОНГ-АЙЛЕНДЕ	139
МОЯ ДЕВЧОНКА	143
АЙЛИН УОРНОС УБЕЖДАЕТ МЕНЯ УСЫПИТЬ МОЮ СОБАКУ	145
ОДА МОЕЙ МОРДЕ КИРПИЧОМ	146
АЙЛИН УОРНОС — НЕ МОЙ ГЕРОЙ	148
ИСТОРИЯ, КОНЧАЮЩАЯСЯ ЗАВТРАКОМ	152
ЭЛЕГИЯ ПО ОТСОСУ	155
ЧТО Я ЗНАЮ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ	156
ПАМЯТЬ ЕСТЬ ИСТОРИЯ	158
СОНЕТ ЗУБКУ ЧЕСНОКА У МЕНЯ ВНУТРИ	159
ОДА РОЗОВОМУ	160
ОДА ЛЕВОЙ РУКЕ МОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ	162
Я ВСЕГДА СТАРАЮСЬ СДЕЛАТЬ СВОИ СТИХИ ВНЕВРЕМЕННЫМИ	165
ОДА НЕОПЛАЧЕННОМУ СЧЕТУ ЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВО	168
СКАЖИТЕ, Я ВСЕГДА ВЛЮБЛЕНА	170
2041	171
АЙЛИН УОРНОС ВЕДЕТ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ ДОМОЙ	173

Я НЕ НАМЕРЕНА ПРОСКОЧИТЬ ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ	176
ЕЩЕ КОЕ-ЧТО Я ЗНАЮ ПРО ИСЦЕЛЕНИЕ	177
ВСЕ ПРОПАВШИЕ ДЕВЧОНКИ ТУСУЮТСЯ БЕЗ НАС	178
В БУДУЩЕМ Я ЛЮБЛЮ НОЧНУЮ ПОРУ	180
БЛАГОДАРНОСТИ	185

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

В июне в Бостоне солнце встает в 5:10. Я это знаю потому, что была такая неделя, когда я ни одной ночи не ложилась вплоть до этой самой минуты. Не очень помню, чем я тогда занималась, — может, ходила по кухне туда-сюда, перемещалась между диваном и кроватью, начинала смотреть фильмы, надеясь, что усну, а следом, когда уснуть не получалось, бросала их. У меня нет бессонницы. Отнюдь — мне всегда удается оторвать десять часов сна, когда нужно. Моя неделя бодрствования — и еще несколько бессонных ночей между тогда и теперь — случилась оттого, что я боялась. Боялась я кое-чего очень конкретного: что в мою квартиру на первом этаже залезет мужчина — через окно, которое можно вскрыть ножом для масла, — и удушит меня в моей же постели.

И важно, и совершенно не имеет значения то, что я вам сейчас скажу: до этого несколько месяцев я потребляла исключительно криминальную документалистику. Важно это потому, что да, страх мой вылепился десятками историй, что я прочла и посмотрела: они отражали мою фобию, эти истории наглядно показывали, до чего обыденно и легко это — убить девушку. Можно поспорить (и многие спорили), что, не читай я этих историй, я б не держала окна запертыми посреди лета в квартире без кондиционера.

В то же время эта моя одержимость статьями в СМИ не имеет значения, потому что даже без нее страх мой подтверждался бы вновь и вновь очень подлинными, очень ощутимыми переживаниями. Я как раз впервые в свои восемнадцать жила одна, когда какой-то незнакомый человек увидел меня на улице, вычислил мой адрес и начал оставлять записки у меня под дверью, в которых настаивал, что нам судьба быть вместе. Был мужчина, который фомкой пытался вскрыть окно у моей соседки по квартире, пока она спала. Мужчина, сидевший в задних рядах на моих выступлениях и смеявшийся всякий раз, когда я упоминала о смерти женщины. Мужчина, насильно открывший дверцу моей машины у меня на подъездной дорожке и навалившийся на меня, пока я пыталась выбраться наружу. Американские пацаны в чужой стране, которые делали ставки на то, кто из них переспит со мной первым, пока провожали меня домой, и как я бросила их на перекрестке посреди ночи, чтобы они не узнали, где я остановилась. Да и все эти мужчины прежде, в промежутке и после того — их имена мне известны, этих мужчин я любила и доверяла им: они надругались над моим телом, над телами моих подруг, телами своих дочерей и, я уверена, над телами бесчисленных женщин, с которыми я не знакома.

Люди часто рассказывают мне, что я слишком много времени расходую на страхи всякого такого, что статистически менее вероятно, чем автокатастрофа. Но всякий раз, когда я читаю новости, меня заваливают историями о пропавших девушках, убитых девушках, женщинах, убитых своими мстительными бывшими друзьями, и мне становится все труднее считать

убийство женщин «редким». Невозможно называть мой страх «иррациональным».

Я хочу верить, что мотив любого произведения криминальной документалистики — пролить свет на эпидемию убийств женщин по всему миру, посредством документально-го рассказа пролить свет на отчетливую закономерность. Да только я в это не верю. Если б оно было правдой, не сосредоточивались бы они так на преступлениях, совершенных случайными чужаками, а показали бы лучше преступников куда более обычных: мужчин, которых женщины эти раньше знали и — часто — любили. Если бы криминальная документалистика действительно выполняла подобную миссию, она показывала бы не такие случаи, что отъявленно извращенны и шокирующие, а те, что знакомы, сиюминутны и происходят дома. Если бы криминальная документалистика стремилась иметь дело с реальностью насилия против женщин, она бы так сильно не опиралась на сюжеты с цисгендерными белыми девушками, а отображала бы истории трансгендерных женщин, которых убивают что ни месяц не по одной и не по две, или на бесчисленных черных и смуглых женщинах, на женщинах из коренных американок, чьи пропажи даже не расследуются. Язык криминальной документалистики — это шифр: он сообщает нам, что степень нашей скорби зависит от истории жертвы. Студентов и спортсменов часто вспоминают по их регалиям и внешности, а работницы секса или женщины, борющиеся с зависимостью, сведены до этих ярлыков в оправдание совершенного против них насилия, — если их истории вообще освещаются. По правде же так: если ваше тело ищут — это уже привилегия. Многие

женщины полагаются на криминальную документалистику как на вывихнутую валидацию, но жанр этот вместе с тем — постоянный источник женоненавистничества, расизма и сексуального насилия, и все это сосредоточено вокруг единственной обожаемой мертвой девушки. В этом жанре творят преимущественно мужчины. Этот жанр усложняет то, как нас сближает любовь к нему: мы часто не уверены, кто отождествляется с жертвой, а кто — с преступником.

Криминальную документалистику я отыскала из-за своего страха. Из-за страха, что так долго ощущался нелепым, шумным и целиком и полностью моим личным. Криминальная документалистика объяснила мне, что я — не единственная, кого пожирает эта тревога. Не у меня одной такая реакция — потребить как можно больше криминальной документалистики, подпитать и победить ее. Но та криминальная документалистика, какую хочу я, написана женщинами. Та криминальная документалистика, что мне нужна, заходит дальше звезды спорта. Я желаю историй, которые чтят девушек, а не устраивают вокруг них шумиху. Та криминальная документалистика, какая нужна мне, признает, что более половины убитых женщин в мире гибнет от рук их партнеров или членов семьи. Я — несгибаемый потребитель криминальной документалистики всех жанров — очерков, документальных фильмов, подкастов, телепрограмм — и сама писательница, а потому начала задаваться вопросом, какова ставка у поэзии в таком разговоре. Что происходит, когда мы рассматриваем нашу одержимость смертоубийством и говорим: «Вот *каково* мне от этого. Вот что со мной это творит по ночам».

Я хочу заглянуть дальше криминальной документалистики, чтобы понять, отчего мне так, а не иначе. Хочу взглянуть на собственную жизнь, на жизни тех женщин, кого я люблю, женщин, которых я потеряла, женщин в моей общине и за ее пределами — и начать понимать, что страх у меня внутри есть попросту плод того, что я живу.

Да, я в ужасе от того, что меня могут убить. Я в ужасе от того, что мужчина, угрожавший мне в интернете, явится на какое-нибудь мое выступление с пистолетом. Я в ужасе, когда приходится жестко отказывать мужчинам: за этим может последовать ответная реакция. Я в ужасе не потому, что мне это повелела криминальная документалистика, а в ужасе я потому, что пробыла здесь достаточно долго и теперь знаю: мне следует быть в ужасе. Это ощущение диктует мне то, как двигаться: на закрытых парковках, в барах, в своем собственном доме. И это чувство я уже узнала так близко, что к тому же переживаю необходимость его защищать — понимать, где оно родилось, именовать его и произносить это вслух.

Это книга стихов о криминальной документалистике. Но еще это книга стихов о множестве мелких насилий, каким может противостоять человек. Это книга о памяти и девичестве. Книга эта, по большей части, — воспоминания о моем страхе и о том, как он прорастал во мне с детства, как его подпитывали всю мою взрослую жизнь. Эта книга помнит, как у меня на глазах дорогие мне женщины разрушались в руках у мужчин, которым доверяли, помнит девушек, найденных и не найденных, и, в итоге, как я излечилась тем, что сохранила некую необходимую часть этого страха в неприкосновенности. Вам, читающим,